

ФРГ и «ливийская проблема» в 2010-е гг.

© Трунов Ф.О.^a, 2021

^a Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Резюме. В 2010-е гг. Германия существенно нарастила свою политическую и военную активность в Северной Африке и Сахеле. Одной из ключевых трудностей в этом процессе стал поиск пути подключения к урегулированию «ливийской проблемы».

«Ливийская дверь» представляла собой верхнее основание «коридора нестабильности», начинавшегося в Мали (и отчасти в Буркина Фасо) и далее через Нигер, идущего на север. По нему в сторону Германии, её партнёров по ЕС из зон вооружённых конфликтов проецировались такие угрозы безопасности, как неконтролируемое массовое перемещение беженцев, а также распространение отдельных боевиков и ячеек международных террористических структур. Осознавая важность урегулирования «ливийского вопроса», ФРГ в 2012-2019 гг. смогла оказывать на него лишь опосредованное воздействие, ограничившись географическим «огораживанием» этого очага нестабильности.

В статье показан характер вклада Германии в выстраивание отрезков его периметра: западного и восточного (усиление охраны границ Туниса, Алжира и Египта посредством наращивания в них экспорта вооружений и военной техники), южного (вклад в урегулирование конфликта в Мали в рамках миссий *EUTM Mali* и *MINUSMA* и в стабилизацию стран «сахельской пятерки», в целом) и северного (развёртывание мониторинговых миссий ВМС в Средиземном море). Исследуется ход подготовки и запуск Берлинской конференции по Ливии (январь 2020 г.), позволивший Германии де-юре стать координатором процесса межливийского примирения.

Ключевые слова: нестабильность, угрозы, Германия, Алжир, Египет, Мали, Нигер, урегулирование, вооружённый конфликт, Берлинская конференция

Для цитирования: Трунов Ф.О. ФРГ и «ливийская проблема» в 2010-е гг. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 65-72.
DOI: 10.31857/S032150750014942-8

Germany and «Libyan problem» in the 2010s

© Philipp O. Trunov^a, 2021

^a Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Abstract. Germany has been growing political and military activity in Northern Africa and Sahel region by the mid 2010s. FRG and its EU partners faced the great number of instability risks which are projected from zones of armed conflicts located in northern part of Africa. The key elements of the corridor of instability which has connected the fragile states in Sahel and Northern Africa were the «Libyan door» (the upper part) and «Malian gates» (the lower one). But in the 2010s FRG faced the absence of opportunities for itself to be directly involved in the resolution of «Libyan problem». That is why in 2012-2019 Germany had been trying only to fence «Libyan problem» in. This perimeter has four segments. German contribution to the creation of Western one (the strengthening of Tunisian and Algerian borders with Libya) and especially Eastern segment (the same with Egypt) was rather limited and consisted of arms export to these countries. The article explores the evolution of German participation to the resolution of Mali armed conflict (first of all FRG's military contribution to EUTM Mali and MINUSMA missions). This one and also German participation in the reform of Niger's security sector was the creation of Southern segment of the perimeter.

By 2020 Germany has deepened cooperation on «Libyan problem» not only with regional players but also world powers. During Merkel's visit to Moscow (January 11, 2020) the scheme of future Berlin conference on Libya was declared. This format was established on January 19, 2020. Germany became the coordinator of inter-Libyan dialogue (between the Government of national consensus in the West of the country and Libyan national army in the East) and supported it by the launch of the EU mission «IRINI». The article concludes about the perspectives of German policy towards Libya considering COVID-19 pandemics.

Keywords: instability, challenges, Germany, Algeria, Egypt, Mali, Niger, resolution, armed conflict, Berlin conference

For citation: Trunov Ph.O. Germany and «Libyan problem» in the 2010s. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 65-72.
DOI: 10.31857/S032150750014942-8

ВВЕДЕНИЕ

С начала 1990-х гг. ФРГ - едва ли не единственный пример «восходящей» державы среди стран-участниц Евро-Атлантического сообщества - стала нарастающими темпами использовать политико-ди-

пломатический и военный потенциал для противодействия угрозам безопасности вне зоны ответственности НАТО. Стратегия борьбы с ними на дальних рубежах должна была обеспечивать странам-участницам ЕС и НАТО большие преимущества, предоставляя внешние гарантии стабильного внутреннего развития.

На этом фоне большой неожиданностью для истеблишмента ФРГ стало то оборонительное положение, в котором она и её партнёры по ЕС оказались в условиях миграционного кризиса 2015-2016 гг. и роста террористической активности в странах объединения. Тогда эти угрозы, в основном, исходили из зон вооружённых конфликтов в Сирии и Ираке. Во многом они были вызваны недостаточно активными и, главное, малоэффективными действиями в борьбе с международным терроризмом стран Запада - в полной мере это относилось к самой ФРГ. Параллельно с Ближним Востоком очаги нестабильности с сопоставимым потенциалом вызовов возникали в Северной Африке и Сахеле.

В 2011-2012 гг. Ливия стремительно перешла к полностью хаотизированному состоянию. Ключевой причиной этого стало силовое вмешательство в ход вооружённого конфликта в Ливии, начавшегося в условиях «Арабского пробуждения», группы стран-участниц НАТО во главе с Великобританией и Францией (при поддержке США). Эти действия привели к обрушению единой вертикали власти, успешно функционировавшей в Джамахирии с конца 1960-х гг., тем самым обеспечив возникновение фрагментированного политического ландшафта и фактическое начало «войны всех против всех» [1].

Активными и полностью деструктивными по своим целям сторонами конфликта стали террористические группировки (в частности, «Исламское государство»), проникшие и стремительно распространившиеся по «большому телу» ливийского государства. Его территория превратилась в огромную, вытянутую меридионально «чёрную дыру», которая к середине 2010-х гг. стала частью протяжённого «коридора нестабильности». Он шёл из стран Сахеля, начинаясь в Мали и отчасти в Буркина Фасо, далее через Нигер в Ливию, Средиземное море в сторону ЕС. Верхним основанием «коридора нестабильности» стала «ливийская дверь», а нижним - «малийские ворота».

Толчком для возникновения острого вооружённого конфликта в Мали, создавшего уже весной 2012 г. риск обрушения центральной власти и в этой стране, стала производная «ливийской проблемы» - прибытие в северомалийские провинции туарегов, ранее служивших в армии Джамахирии, со своим вооружением и транспортом. Как и в случае с Ливией, в Мали наблюдалась стремительная радикализация антиправительственных комбатантов: уже к осени 2012 г. среди них усилились позиции террористических группировок «Ансар Ад-Дин» и «Аль-Каида в Магрибе». Однако в этом случае последовала оперативная реакция стран Запада по борьбе с рисками нестабильности: уже в январе 2013 г. Франция начала боевую операцию «Serval» («Сервал») с ярко выраженной антитеррористической компонентой [2, с. 4-5].

Задача статьи - исследовать подход ФРГ к урегулированию «ливийской проблемы» в 2010-е гг. с фокусом на использование общеполитического и военного инструментария. Германия, в отличие от Франции, Великобритании и США, исторически не обладала сколько-нибудь весомыми позициями на Африканском континенте, в т.ч. в северной его части. Не в пример другим западным державам [1], дипломатические и военные действия в Африке официального Бонна/Берлина освещались недостаточно подробно [3; 4]. Но именно в 2010-е гг. наблюдался резкий рост разноплановой активности Германии в Северной Африке и Сахеле. В числе причин этой тенденции - обеспокоенность руководства ФРГ «ливийской проблемой», которая таила в себе существенные риски не только для обеспечения безопасности, но для реализации лидерских амбиций Германии как «восходящей» державы.

Основными методами исследования были избраны сравнительный и ивент-анализ. Подход ФРГ к урегулированию «ливийской проблемы» рассматривался автором сквозь призму «эффекта переплётывания»: повышенное внимание уделялось шагам официального Берлина, значимым для решения «ливийского вопроса», которые осуществлялись на территории сопредельных стран Африки и прилежащих акваториях.

В ПОИСКАХ ПУТИ ПОДКЛЮЧЕНИЯ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ

ФРГ не приняла прямого военного участия в боевой операции группы государств-партнёров по НАТО в Ливии (2011), ограничившись оказанием им политической поддержки [3]. Эта тактика обеспечивала официальному Берлину выгодные имиджевые позиции: в восприятии лидеров стран Африки (вне зависимости от их отношения к политическому режиму М.Каддафи) германская сторона не была причастна к физическому устранению ливийского лидера. Это становилось предпосылкой развития довольно доверительного диалога на высшем уровне между Германией и государствами континента.

Одновременно неучастие ФРГ в ливийской кампании (2011 г.) отражало ту осторожность, которую Берлин на практике проявлял при использовании военного инструментария в Африке, притом при проведении не только силовых, но и небоевых операций - прежде всего, по миротворчеству и поддержанию

мира. Демонстрируя приверженность принципу «стратегической сдержанности», Германия стремилась позиционировать себя в качестве взвешенного в своих действиях центра влияния в мире. Однако, в ряде случаев эта тактика оказывалась не просто малоэффективной, но контрпродуктивной, способствуя переходу вооружённых конфликтов в «запущенное» состояние, что существенно усложняло их урегулирование.

В частности, иллюстрацией тому стала линия ФРГ в отношении Ливии в 2012-2019 гг.: в этот период официальный Берлин не нашёл для себя возможности прямого участия в стабилизации обстановки в этой стране. Была избрана тактика опосредованного воздействия на «ливийскую проблему», которую автор склонен обозначить термином «огораживание». Это - пресечение возможностей «переплёскивания» угроз нестабильности с ливийской территории на соседние государства Северной Африки (Тунис и Алжир на востоке, Египет - на западе), их проецирования через Средиземное море на территорию ЕС, а также перекрытия «коридора нестабильности» в его нижней (Мали, а также Буркина Фасо), а затем и средней (Нигер) частях. Иными словами, геополитически речь шла о выстраивании периметра «сдерживания» «ливийской проблемы» вдоль границ этой страны.

Каковы особенности и «узкие места» участия ФРГ в этом процессе?

Содействуя созданию западного отрезка периметра, Германия пыталась выстроить сотрудничество в области безопасности с Тунисом (что стало заметно с 2015 г.) и Алжиром (с 2016 г.). В общеполитическом плане официальный Берлин подчёркивал, что учитывает их озабоченность «ливийской проблемой». Так, в 2015-2017 гг. президент Туниса Беджи Каид эс-Себси по инициативе ФРГ приглашался в качестве специального гостя на саммиты «G7» и «G20», которые, в том числе, были посвящены обсуждению ливийской тематики. В ходе переговоров премьер-министров двух стран, проходивших в ФРГ в ноябре 2015 г., принимающая сторона обозначила готовность участвовать в подготовке кадров армии, полиции и пограничных войск Туниса - прежде всего, направляемых на границу с Ливией [5]. К началу 2020-х гг. эта мера, за исключением обучения небольших групп военных из Туниса в профильных учебных центрах ФРГ, не получила, однако, широкого распространения.

В случае Алжира официальный Берлин уже к середине 2010-х гг. прочно утвердился в роли экспортёра широкой номенклатуры вооружений и военной техники (ВиВТ). Показательно, что в 2016-2018 гг. Алжир занимал 1-е, а в 2019 г. - 2-е (!) место в списке государств-импортёров вооружений и военной техники германского производства среди стран мира, в целом [6, S. 74; 7, S. 82].

Каковы ключевые наименования номенклатуры поставляемого оружия? Во-первых, это грузовики, а также БТР (в т.ч. без пушек) и крупные партии запчастей. Бóльшая часть алжиро-ливийской сухопутной границы (989 км) протекает по пустынной местности. В этих природно-климатических условиях особое значение приобретали не стационарные заставы, а мобильные группы и патрули, способные регулярно мониторить саму границу и прилегающие районы, в случае необходимости блокируя, уничтожая или пленя пытающиеся проникнуть на территорию Алжира отряды боевиков. Они имели автотранспорт (что требовало симметричного ответа в виде оснащения войск на границе грузовиками повышенной проходимости), однако практически не располагали тяжёлой бронетехникой. И потому включение даже одной бронеединицы, вооружённой лишь пулемётами (без орудия, для облегчения техники с целью повышения скорости и манёвренности) обеспечивало правительственным алжирским войскам огневое преимущество. Пустынные условия, в которых использовались грузовики и БТР, приводили к их ускоренному износу, чем и объяснялись закупки больших партий запчастей (см.: [7, S. 82]).

Во-вторых, Алжир закупал у ФРГ фрегаты, что существенно увеличивало возможности патрулирования в Средиземном море для обнаружения беженцев и вооружённых боевиков.

Таким образом, де-юре Берлин вносил определённый вклад в улучшение охраны границ Туниса и особенно Алжира с Ливией. Однако на практике решение этой задачи продолжало целиком лежать на армии, ВМС и пограничной страже самих североафриканских стран. Действия Германии были, в основном, сведены к оказанию военно-технической помощи, притом отнюдь не безвозмездно: только в 2016-2019 гг. экспорт вооружений и военной техники в Алжир принёс профильным фирмам ФРГ 4,5 млрд евро прибыли (!) (см.: [6, S. 74]; [8, S. 82]). При этом ФРГ стремилась использовать возможности самой алжирской стороны для углубления своих контактов с Правительством национального согласия (ПНС, тогдашний глава - Ф.Сарадж, было расположено в Триполи) [5].

Ещё меньшим был фактический вклад ФРГ в функционирование восточного отрезка периметра «огораживания», проходившего по границе Ливии с Египтом. Уже с начала 2010-х гг. Берлин активно искал контактов с Каиром. В 2012 - начале 2013 гг. была предпринята попытка сближения с вновь избранным президентом М.Мурси (выдвиженцем «Братьев-мусульман»), показавшая свою несостоятельность ещё до его оттеснения от власти и ареста египетскими военными. Старт диалога с последними - прежде всего, с новым главой АРЕ А. ас-Сиси - проходил намного более сложно. Однако уже с 2015 г. двусторонние отношения вышли на качественно новый уровень взаимодоверия, что иллюстрировали характер и содержание

поочередно организуемых ежегодных визитов на высшем уровне и запуск формата ЕС - ЛАГ (Лига арабских государств) (2019) по инициативе ФРГ и АРЕ.

В число ключевых тем переговорного процесса прочно вошла к концу 2010-х гг. ливийская тематика. С одной стороны, оказывая политическую поддержку ПНС Ф.Сараджа, руководство ФРГ в апреле 2019 г. обозначило перед официальным Каиром обеспокоенность наступлением на запад сил Ливийской национальной армии (ЛНА первоначально формировалась в районе Бенгази) фельдмаршала Х.Хафтара, неофициально поддерживаемых Египтом [8]. С другой - ФРГ не могла не осознавать того факта, что восточный отрезок периметра «огораживания» «ливийской проблемы» был наиболее прочным.

Это, во-первых, объяснялось большой численностью (400 тыс. военнослужащих), достаточно высоким уровнем боеспособности и оснащённости военной техникой вооружённых сил самой АРЕ [9, S. 1-3]. Развивая военно-техническое сотрудничество с Германией, Египет, в отличие от Алжира, не проявлял заинтересованности в экстренных, становящихся регулярными, закупках больших партий грузовиков и БТР. Во-вторых, не меньшее значение играл тот факт, что на прилежащих к Египту территориях оперировали части ЛНА, которые продемонстрировали свою готовность и, главное, реальную способность вести успешную борьбу с незаконными вооружёнными формированиями. На фоне укрепления позиций ЛНА 15 апреля 2019 г. состоялись телефонные переговоры ас-Сиси и А.Меркель. Выражая обеспокоенность наступлением ЛНА, канцлер де-факто зондировала готовность Египта к посредничеству в установлении контактов ФРГ с её руководством (см.: [8]).

Иным по характеру и объёму оказался вклад ФРГ в создание двух других отрезков схемы «огораживания» - прежде всего, южного. С 2013 г. он возник лишь в Мали, притом де-факто только в южных и центральных провинциях этой страны. Географически периметр оказался «разорван», не охватывая в полной мере ни северомалийских территорий, ни тем более Нигера. Оказывая поддержку боевой операции «*Serval*», проводимой Францией, Германия в марте 2013 г. направила военные континенты в состав двух миссий: миротворческой *AFISMA* под эгидой Афросоюза (уже в июне 2013 г. была трансформирована в *MINUSMA* под флагом ООН) и военно-тренировочной *EUTM Mali*, учреждённой ЕС.

Первая из них (*AFISMA/MINUSMA*) была ответственна за со-принятие от ударных французских частей ответственности за обеспечение мира и правопорядка на освобождаемых от влияния «Ансар Ад-Дин» и «Аль-Каида в Магрибе» территориях Мали. Эта задача должна была решаться в тесном взаимодействии уже с теми французскими подразделениями, которые были предназначены к использованию в зонах низкой, а не высокой интенсивности, и вновь реорганизуемыми кадрами сил безопасности Мали - прежде всего, армией.

Вторая миссия (*EUTM Mali*) была ответственна за обучение (с предварительным переформированием) правительственных малийских войск. Следует подчеркнуть существенную разницу характера вклада ФРГ в деятельность каждой из двух миссий. В случае *EUTM Mali* (небольшой, имевшей до 0,5 тыс. военнослужащих и действующей исключительно в считавшихся спокойными южных и центральных провинциях Мали) Германия изначально заняла лидирующие позиции по числу выделенных офицеров и солдат-инструкторов, равно как и по объёмам финансирования [2, S. 1-6]. Напротив, до середины 2010-х гг. ФРГ направляла в состав *MINUSMA* лишь небольшие (численностью не более 150 военнослужащих) вспомогательные подразделения бундесвера - транспортные и снабженческие, т.е. речь не шла о выделении наземных частей [10, S. 1-6]. Эти различия были ещё одной иллюстрацией осторожности, которую проявляла Германия в вопросах использования военного инструментария в Африке.

Ситуация изменилась во второй половине 2010-х гг.: Берлин, продолжая наращивать вклад в деятельность *EUTM Mali*, одновременно пошёл на резкое увеличение своего контингента в составе *MINUSMA*. В 2016-2018 гг. его устанавливаемый Бундестагом «потолок» вырос с 150 до 1 100 военнослужащих, т.е. более чем в 7 раз [11, S. 1-8]. Географически зона оперирования бундесвера была расширена и на северомалийские провинции (Гао, Кидаль и Томбукту) [4], что означало частичное сокращение разрыва периметра «сдерживания» «ливийской проблемы».

ФРГ развернула группировку беспилотных летальных аппаратов (не менее 40 тактических и 1 дальне-высотный) на многонациональной военной базе «Лагерь Кастро» в Гао и приняла на себя функции «рамочной нации» в осуществлении тактической воздушной разведки в интересах всей миссии *MINUSMA* [11, S. 6-10]. Одновременно Германия приняла на себя руководство охраной и функционированием (прежде всего, в логистическом плане) самой базой «Лагерь Кастро» [11, S. 6-10], выступавшей ключевым военным объектом сил *MINUSMA*.

На севере Мали контингент ФРГ активно взаимодействовал с войсками других стран-участниц миссии ООН (особенно малых и средних государств АС и ЕС) и с французскими силами, проводящими операцию «*Barkhane*» («Бархан»). Она с июля 2014 г. сменила «Сервал», имея как боевую компоненту (нанесение ударов по пытавшимся перегруппироваться силам террористических формирований), так и небоевую [12, S. 12].

Почему ФРГ обращала особое внимание на провинции Гао, а также Кидаль? Географически они соединяли центральные районы Мали (последние примыкали к Буркина Фасо) с Нигером [12, S. 12], т.е. выступали значимой частью «коридора нестабильности». Стремясь обеспечить прохождение «точки невозврата» в деле стабилизации в Мали, Германия стремилась обеспечить «эффект переплёскивания»: с 2017-2018 гг. Берлин стал участвовать в реформировании секторов безопасности в странах «сахельской пятёрки»¹, в целом.

К началу 2020-х гг. Германия стала предоставлять (в основном на безвозмездной основе) лёгкие вооружения и грузовики для оснащения мобильных полицейских групп в Нигере, одновременно участвуя в подготовке их кадров по линии федерального МВД [13]. К концу 2019 г. должна была быть завершена подготовка первой такой группы, а в 2020 г. - второй, на которые возлагалась особая роль в пресечении перемещения боевиков, оружия, взрывчатых и наркотических веществ по нигерской территории [13]. Ключевая причина создания этих механизмов - недостаточно высокий уровень боеспособности и, главное, технической оснащённости армии Нигера.

В качестве ещё одной меры преодоления трудности канцлер А.Меркель и президент Нигера М.Иссуфу согласовали отправку нигерских военнослужащих для переподготовки в учебные лагеря миссии *EUTM Mali* [13]. Реализация таких же мер стала прорабатываться Германией и в случае Буркина Фасо [12, S. 6-14].

Эта тенденция была значима в контексте подхода ФРГ к урегулированию «ливийской проблемы». Участие Германии в реформировании сектора безопасности Нигера позволяло приблизить южный отрезок периметра «огораживания» к границе Ливии. Стремясь перекрыть «коридор нестабильности» его центральной части (Нигер), ФРГ одновременно нарастила свою активность и к югу. Так, применительно к Буркина Фасо действия Берлина были направлены, прежде всего, на недопущение превращения этой африканской страны в «мягкое подбрюшье» Мали в смысле развёртывания здесь тыловых баз и учебных лагерей террористическими группировками (в т.ч. вновь появившимся «Исламским государством в Великой Сахаре» - «дочкой» ИГ) [12, S. 8-11].

Вместе с тем, тактика Германии имела ряд весьма существенных «узких мест». Во-первых, численность сил бундесвера, используемых непосредственно «в поле» для патрулирования и борьбы с мелкими группами комбатантов на севере Мали, была небольшой - всего 1-2 мотопехотные роты (см.: [12, S. 6-10]). В плане выделяемых «активных штыков» вклад ФРГ был несоизмерим в сопоставлении с численностью контингентов стран АС, участвующих в *MINUSMA*, а также с Францией, проводящей операцию «Бархан». Во-вторых, вопросы вызывал реальный уровень боеспособности, достигнутый по итогам обучения ряда батальонов малийской армии, направляемых в учебные лагеря миссии *EUTM Mali* с ведущим участием германских инструкторов [14].

Не менее чувствительной была проблема объёмов военно-тренировочной деятельности: в 2013-2019 гг. специалисты *EUTM Mali* подготовили 14 тыс. военнослужащих армии Мали, что (особенно с учётом боевых потерь, дезертирства, увольнения отслуживших свой срок) было явно недостаточно для принятия ею основной роли в обеспечении мира на территории всей страны [14].

Наконец, наблюдались и грубые ошибки, допускаемые уже самим правительством Мали в вопросах использования переобученных *EUTM Mali* батальонов: вместо применения целиком они разделялись на мелкие подразделения, что резко снижало эффективность их использования в борьбе с террористическими группировками. Напротив, последние демонстрировали способность к частичному восстановлению потенциала и перегруппировке, вступая в симбиотические отношения с оргпреступностью [12, S. 8-15].

Как и в случае южного отрезка периметра «сдерживания» «ливийской проблемы», для выстраивания северного ФРГ также обратилась к использованию бундесвера, однако в иных формах. Здесь ключевой задачей было налаживание эффективной системы патрулирования в Средиземном море с целью пресечения неконтролируемого перемещения в южноевропейские страны-участницы ЕС потоков людей (беженцев, а также мимикрирующих под них боевиков) и контрабандных грузов (оружия, взрывчатых и наркотических веществ).

Как ни парадоксально, на первый взгляд, поиск решения оказался весьма затруднительным для ФРГ и её партнёров. В начале 2015 г. Европейским Союзом было принято решение о запуске мониторинговой военно-морской миссии «*Sophia*». С мая 2015 г. по июнь 2019 г. ВМС ФРГ направляли в её состав надводные корабли на ротационной основе [15]. Развёртывание миссии снизило масштаб проецируемых на ЕС угроз нестабильности, однако отнюдь не означало разрешения проблемы, частными иллюстрациями чему стала критическая ситуация с беженцами на о. Лампедуза (Италия) и о. Лесбос (Греция).

Почему? С точки зрения автора, слишком протяжённой была зона оперирования миссии ВМС, что приводило к недостаточной плотности кораблей, патрулирующих акваторию. Требовалось сужение района их действий посредством приближения его к границам Ливии.

¹ В состав группы стран «сахельской пятёрки» входят Буркина Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад (прим. авт.).

ПОПЫТКА ПОЛНОМАСШТАБНОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ В РЕШЕНИЕ «ЛИВИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

На рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. руководство ФРГ стало стремиться перейти от опосредованного воздействия на «ливийскую проблему» к своему прямому участию в урегулировании. Это означало отнюдь не отказ от соучастия в её территориальном «огораживании», но готовность дополнить данную тактику организацией межливийского переговорного процесса, для чего Германией были осуществлены два значимых шага.

Во-первых, это демонстративное занятие положения, равноудалённого от обеих ключевых сторон ливийского конфликта, способных бороться с незаконными вооружёнными формированиями (НВФ) и обеспечить его урегулирование - от ПНС во главе с Ф.Сараджем и ЛНА, руководимой фельдмаршалом Х.Хафтаром.

Как уже отмечалось, в середине - второй половине 2010-х гг. Берлин установил и поддерживал политические контакты (включая организацию визитов в Германию Ф.Сараджа) с Правительством национального согласия [16] и при этом критикуя действия ЛНА [8]. Однако занять роль координатора межливийского диалога ФРГ могла, лишь оказавшись «над схваткой», т.е. перестав, как минимум де-юре, отдавать предпочтение одной стороне конфликта.

Во-вторых, германскому руководству необходимо было заручиться поддержкой влиятельных международных акторов в вопросе своего подключения к конфликту. К началу 2020 г. эта задача была решена, в основном, в случае региональных игроков (Тунис, Алжир, Египет, учитывая отмеченный выше уровень двусторонних отношений ФРГ с каждой из этих стран) и западных держав (прежде всего, Франции).

11 января 2020 г. А.Меркель провела в Москве продолжительные переговоры с президентом В.В.Путиным, согласовав схему запуска многостороннего формата по урегулированию «ливийского вопроса» с участием ПНС и ЛНА. Канцлером ФРГ был обозначен окончательный состав будущей конференции: 5 постоянных членов Совета Безопасности + ФРГ (схема, апробированная в переговорах по иранской «ядерной программе» в 2006-2015 гг.), а также круг региональных и заинтересованных внешних игроков [17] - в т.ч. Турция, оказывавшая активную силовую поддержку ПНС отправкой военизированных отрядов и оружия.

Первый раунд переговоров, в котором впервые приняли участие (хотя и не встретившись лично) главы ПНС и ЛНА, прошёл в Москве 13 января 2020 г. Второй этап был организован уже в столице ФРГ 19 января 2020 г., получив наименование Берлинская конференция. В ходе многочасовых переговоров с участием Ф.Сараджа и Х.Хафтара были намечены рамочные основы урегулирования:

- введение режима полного прекращения огня;
- установление эмбарго на любые поставки ВиВТ в Ливию в увязке с очищением её территории от иностранных наёмников и всех НВФ (особенно «ячеек» террористических группировок);
- создание постоянной переговорной площадки по схеме «5 на 5» (по числу представителей от ПНС и ЛНА) под эгидой ООН;
- регулярная «сверка часов» по выполнению условий на различных уровнях [18].

Ключевую роль в этой связи должна была играть Берлинская конференция, необходимая частота созывов которой была определена - раз в полгода [18]. Безусловно, Германией был достигнут определённый успех - как в политическом, так и в имиджевом отношении. ФРГ смогла, наконец, не просто встроиться в процесс урегулирования «ливийского вопроса», но де-юре стать его ключевым координатором.

Стремясь закрепить первоначальный результат, уже 24 января 2020 г. А.Меркель провела отдельную встречу с президентом Турции Р.-Т.Эрдоганом, убеждая его на практике свернуть военную помощь ПНС. 10 марта 2020 г. канцлер приняла в Берлине фельдмаршала Х. Хафтара, проведя с ним продолжительные переговоры [19]. А 12 марта 2020 г. состоялся телефонный контакт А.Меркель с Ф.Сараджем [20]: Берлин активно прибегал к «челночной дипломатии», стремясь обеспечить выполнение договорённостей от 19 января 2020 г. Показателен порядок и характер двусторонних встреч: сначала был принят руководитель ЛНА, причём с ним были проведены прямые переговоры, а лишь затем состоялся телефонный разговор с председателем ПНС. Тем самым ФРГ вновь демонстрировала де-юре равноудалённое положение от сторон конфликта.

Примечательно, что все эти меры, в т.ч. встреча с Х.Хафтаром, проводились на фоне разворачивающейся эпидемии COVID-19: со второй декады февраля 2020 г. сама А.Меркель отменила все свои заграничные поездки. Фактор пандемии, приведя к «заморозке» большинства мирополитических процессов, не стал препятствием для запуска по линии ЕС операции «IRINI» с преобладающей военно-морской компонентой.

Де-юре главной задачей миссии обозначался мониторинг соблюдения эмбарго на поставки оружия в Ливию и, в целом, выполнения договорённостей от 19 января 2020 г. Де-факто операция «IRINI», проводимая, прежде всего, в территориальных водах Ливии и её воздушном пространстве, выступала также механизмом выстраивания северного отрезка периметра «огораживания» «ливийской проблемы», став более эффективной заменой миссии «Sophia». Она проводилась в 2015-2019 гг. в акватории Средиземного моря

для пресечения неконтролируемых потоков беженцев из зон вооружённых конфликтов в странах Ближнего Востока (прежде всего, Сирии) и северной части Африки. Однако операция «*Sophia*» не смогла существенно смягчить остроту миграционного кризиса в ЕС в 2015-2016 гг.

22 апреля 2020 г. Бундестаг одобрил использование контингента бундесвера (с «потолком» в 0,3 тыс. военнослужащих) в операции «*IRINI*» [21]. На первом этапе её проведения (до августа 2020 г.) Германия направляла в воздушное пространство Ливии самолёты-разведчики [21]. На втором было осуществлено, несмотря на пандемию, направление фрегата ФРГ (на ротационной основе) для патрулирования побережья Ливии. Пошаговый характер действий ФРГ, притом вновь исключавший наземную деятельность, следует признать очередным примером осторожности, проявляемой Германией при внесении практического вклада в урегулирование вооружённых конфликтов в Африке. Отложив до августа 2020 г. выделение фрегатов, официальный Берлин давал, прежде всего, возможность Турции эвакуировать присланные ранее в Ливию военизированные формирования, минимизируя риск столкновений бундесвера с ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже принимая во внимание те «узкие места», которые характеризовали действия ФРГ по урегулированию «ливийской проблемы» с января 2020 г., активность Берлина на этом направлении в условиях пандемии иллюстративна, отражая резкий рост его значимости во внешнеполитической деятельности Германии. Оно не снизилось даже в условиях военного переворота в Мали (август 2020 г.), показавшего непрочность успехов в деле успокоения ситуации в южной части «коридора нестабильности».

С 2015-2016 гг. ФРГ стала реализовывать комплекс мер по выстраиванию периметра «огораживания» ливийской зоны нестабильности. На фланговых отрезках - западном и, особенно, восточном - практический вклад ФРГ был очень небольшим, прежде всего сводясь к продажам вооружений региональным игрокам. На северном и, особенно, южном отрезках в различных, но исключительных небоевых, формах использовался бундесвер. Активизация усилий ФРГ с 2015-2016 гг. отнюдь не случайна, иллюстрируя новое прочтение «ливийской проблемы» на фоне миграционного кризиса и роста террористической активности в ЕС.

С 2020 г. Берлин перешёл к новому этапу политики в отношении Ливии, включившись, притом в качестве координатора, в международный переговорный процесс по урегулированию, сопровождая это интенсификацией использования военного инструментария. Эта тенденция, с оговоркой на приверженность ФРГ принципу «стратегической сдержанности», с высокой долей вероятности сохранится, как минимум, на среднесрочную перспективу даже на фоне пандемии *COVID-19*.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Видясова М.Ф. Европа и гражданская война в Ливии: куда идет страна 140 племен и «120 воюющих сторон»? *Актуальные проблемы Европы*. 2018, № 4, с. 184-209.
2. Vidyasova M.F. 2018. Europe and civil war in Libya: Where the country of 140 tribes and 120 belligerents is going? *Urgent problems of Europe*. № 4. (In Russ.)
3. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3836, 28.01.2015. 8 S.
4. Pinfari M. Tunisia and Libya. The European Union and the Arab Spring. Edited by J. Peters. Lexington: Lexington books. 2012, pp. 39-43.
5. Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali. *Security Policy Working Paper*. 2015. № 8. 5 p.
6. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem tunesischen Ministerpräsidenten Essid im Bundeskanzleramt. 5.11.2015. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-tunesischen-ministerpraesidenten-essid-848174> (accessed 26.11.2020)
7. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Berlin, 2018. 116 S.
8. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin, 2020. 128 S.
9. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ägyptischen Präsidenten Abdel Fattah Al-Sisi. 15.04.2019. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-aegyptischen-praesidenten-abdel-fattah-al-sisi-1601070> (accessed 26.11.2020)
10. Noll J., Roll S. Vom Jemen-Krieg zur gemeinsamen Armee? *SWP-Aktuell*. 2017. April. № 47. 8 S.
11. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5053, 03.06.2015. 8 S.
12. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. 12 S.

12. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. 17 S.
13. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Niger, Issoufou in Niamey. 2.05.2019. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-niger-issoufou-1605308> (accessed 26.11.2020)
14. Antrag der Abgeordneten und der Fraktion der AfD. Militärmission EUTM Mali beenden. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19154, 13.05.2020. 3 S.
15. Mittelmeer - EUNAVFOR MED Operation Sophia. 2019. <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eunavfor-med-operation-sophia> (accessed 26.11.2020)
16. Gespräch von Bundeskanzlerin Merkel mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates Faye al-Sarraj. 7.05.2019. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gespraech-von-bundeskanzlerin-merkel-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-faye-al-sarraj-1606518> (accessed 26.11.2020)
17. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau. 11.01.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802> (accessed 26.11.2020)
18. Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen. 19.01.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (accessed 26.11.2020)
19. Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chalifa Haftar. 10.03.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592> (accessed 26.11.2020)
20. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates, Faye al-Sarraj. 12.03.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-faye-al-sarraj-1730094> (accessed 26.11.2020)
21. Fragen und Antworten zur Operation Irini. Waffenembargo gegen Libyen durchsetzen. 22.04.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/operation-irini-1745506> (accessed 26.11.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки
ИНИОН РАН. Москва, Россия.

Philipp O. Trunov, PhD (Political Science), Senior Re-
searcher, Department of Europe and America, INION RAN.
Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
12.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
12.07.2021